

БИОГРАФИЯ П. П. ШМИДТА В ТВОРЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ К. Г. ПАУСТОВСКОГО: ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

К. Г. Паустовский принадлежит к числу авторов, чье творческое наследие было весьма широко и многосторонне осмысленно литературоведами советской эпохи, но почти вовсе пропало из поля зрения современных ученых. Между тем развитие современных методов литературоведческого анализа, появление новых научных векторов и задач позволяет, на наш взгляд, более четко выявить суть творческих и мировоззренческих концепций К. Г. Паустовского.

Особенно продуктивным в этом отношении представляется анализ произведений К. Г. Паустовского с точки зрения использования автором традиционных сюжетов и образов, поскольку это позволяет увидеть творчество писателя не только в русле советской литературы, но и в контексте многовековых традиций мировой литературы.

Целью настоящей статьи является выявление и анализ евангельских образов и мотивов, использованных К. Г. Паустовским в произведениях, посвященных П. П. Шмидту. Для достижения обозначенной цели необходимо решение ряда задач: 1) выявить евангельские образы и мотивы, присутствующие в указанных произведениях; 2) выявить уровни использования евангельских материалов; 3) сопоставить авторскую интерпретацию биографии Шмидта с евангельским сюжетом. Объектом нашего исследования служит евангельский сюжетно-образный материал, предметом — преломление евангельского сюжета в произведениях К. Г. Паустовского, посвященных П. П. Шмидту.

Библия — один из наиболее продуктивных источников традиционных сюжетов и образов. Представители разных исторических эпох и литературных направлений обращались к евангельскому материалу, переосмысляя и трансформируя его с учетом актуализирующихся запросов эпохи. Таким образом, происходило преобразование евангельского мифа, его адаптация в условиях постоянно меняющейся социально-культурной среды. Советская эпоха в этом отношении не стала исключением. Становление идеологии нового государства было связано с возникновением новых идеалов, которые неизбежно формировались с учетом идеалов «старого времени», формировался тип героя революционной эпохи, реализовавшийся, скажем, в образах Павла Корчагина, В. И. Чапаева, Макара Нагульного и мн. др. В рамках этого процесса нам следует оценивать интерпретацию К. Г. Паустовским биографии лейтенанта Шмидта. По нашему убеждению, эта интерпретация осуществлялась не только с учетом произведений литераторов-современников (А. Куприн, Б. Пастернак), но и в диалоге с евангельским текстом.

К. Г. Паустовский четырежды обращался к сюжету о лейтенанте Шмидте. В сентябре 1917 г. в общественно-политическом и литературном еженедельнике «Народный вестник» появился небольшой очерк К. Г. Паустовского «Лейтенант Шмидт». Писатель не прослеживал историю восстания на «Очакове» и суда над Шмидтом; основа очерка — размышления автора о героизме лейтенанта Шмидта, об условиях, породивших этот героизм.

В 1925 г. в журнале «Рупор» появился рассказ К. Г. Паустовского «Три страницы», который оформлен в виде своеобразной исповеди Михаила Ставраки, руководившего расстрелом П. П. Шмидта. Через 10 лет К. Г. Паустовский снова обратился к личности Шмидта. На этот раз повествование выстраивается в соответствии с хронологией событий, и дает возможность читателю проследить всю историю восстания на «Очакове», ареста, суда и казни восставших. Этот исторический сюжет оформлен автором как глава «Мужество» в повести «Черное море» (1935). Это наиболее объемная реализация сюжета о Шмидте в творчестве К. Г. Паустовского. В дальнейшем образ Шмидта появляется у К. Г. Паустовского в 1959–1960 гг. в повести «Бросок на юг» (5-ой части автобиографического цикла «Повесть о жизни»), но здесь основным объектом авторского внимания снова становится не столько хронология восстания, сколько противопоставление антиподов: героя Шмидта и предателя Ставраки.

По нашим наблюдениям, евангельские параллели возникают уже в очерке «Лейтенант Шмидт». Думается, что основанием для параллели с Евангелием послужило то, что личность Шмидта уже к тому времени стала легендарной, служила своеобразным символом новой системы нравственных ценностей. К. Г. Паустовский в очерке называет Шмидта человеком, «создавшим из своей жизни одну из самых сильных и печальных легенд» [6, с. 279].

Через все повествование о Шмидте красной нитью проходит мотив проповедничества новой идеи, основанной на свободе и равенстве. Шмидт вел активную агитационную деятельность против царизма. К. Г. Паустовский пишет о клятве на севастьяновском кладбище, в которой Шмидт призывал «все силы свои и все разумение свое, жизнь отдать делу возрождения родины» [6, с. 278]. Автор восстанавливает также фрагмент из речи Шмидта на суде. В нем герой утверждает, что готов принять смерть, зная, что столб, к которому он будет привязан для расстрела, «будет пограничным между рабской и свободной Россией» [6, с. 278]. Думается, что автор рассчитывал на возникновение у читателя ассоциаций с образом Христа, проповедовавшего «разделение двух порядков бытия, двух царств, земного и небесного» [7, с. 238]. Автор сам подсказывает читателю эту параллель, называя Шмидта «светлым трибуном», с душой ребенка, который перед смертью «...» вспомнил Христа» [6, с. 278].

Однако, используя евангельскую аллюзию, К. Г. Паустовский переосмысливает основную идеологическую ситуацию сюжета о Христе. Христос проповедовал веру в Бога, за что был распят. Шмидт у К. Г. Паустовского «берет свою чистую веру в человека, во имя которого его расстреляли» [6, с. 280]. Возникающее таким образом противопоставление «завязывало» диалог не только между текстами, но и между двумя системами ценностей.

История лейтенанта Шмидта неизбежно наталкивала К. Г. Паустовского на евангельские ассоциации. В 1922 г. в редакции батумской газеты «Маяк» произошла встреча К. Г. Паустовского и М. Ставраки. Знакомство с другом П. Шмидта по военному корпусу, а впоследствии — руководителем казни лейтенанта и матросов-очаковцев, заставило К. Г. Паустовского творчески осмыслить феномен предательства.

В рассказе «Три страницы» очевиден намек на отречение апостола Петра. Как известно, предательство Петра осуществляется неосознанно, под влиянием сиюминутного страха, как результат трусости. В условиях такой же ситуации К. Г. Паустовский рассматривает предательство Ставраки: Ставраки соглашается командовать расстрелом под натиском угроз адмирала Чухнина. Важен и еще один момент. Предательство Петра было предсказано Христом. Почти буквально эту ситуацию К. Г. Паустовский переносит в свой рассказ.

Имитируя дневник Ставраки, К. Г. Паустовский конструирует диалог между кадетами — Шмидтом и Ставраки. Шмидт указывал на жестокость российского самодержавия. Не встретив сочувствия со стороны товарища, Шмидт охарактеризовал Ставраки «человеком без стержня» [2, с. 48], добавив: «Ты (Ставраки — *Н. Г.*) невольно сможешь стать предателем» [2, с. 48]. По версии К. Г. Паустовского, анализируя через годы эту историю, Ставраки признается самому себе в том, что Шмидт знал его лучше, нежели он сам.

Возможно, детализируя эту параллель, К. Г. Паустовский изображает портрет разъяренного адмирала Чухнина, на глаза которого «наплывала пленка, как у зарезанных кур» [2, с. 49]; при этом запуганному Ставраки чудился «запах гнилой курятины» [2, с. 49]. Нам кажется, что это трансформация узнаваемого образа «третьих петухов», ознаменовавших предательство Петра.

Как известно, Петр раскаялся в содеянном. Ставраки представлен К. Г. Паустовским также глубоко раскаявшимся, сожалеющим о своей трусости, из-за которой он согласился руководить расстрелом Шмидта. Однако раскаяние предателя у К. Г. Паустовского не влечет за собой прощения: от Ставраки отворачиваются окружающие и его ожидает возмездие — справедливый суд и расстрел.

В повести «Черное море» сюжет о лейтенанте Шмидте значительно расширен. К. Г. Паустовский целенаправленно собирает материалы в Морской библиотеке и архивах Севастополя. Писатель посещает места, связанные с восстанием на «Очакове», встречается с очевидцами событий — сестрой лейтенанта, Анной Избаш, и известным «очаковцем», бывшим минером, Федором Мартыненко. В результате образ Шмидта приобретает эпические масштабы. Усиливается и количество пересечений с евангельским текстом.

Следует отметить, что К. Г. Паустовский сразу настраивает читателя на специфику своей интерпретации библейского мифа. С одной стороны, К. Г. Паустовский использует в тексте повести «Черное море» религиозную риторику («вся Россия молилась на него (Шмидта); «глаза горели как у пророка», «Шмидт сказал, что идет на «Голгофу», «саванов не надевали», «под крест идем» и др.). С другой стороны, К. Г. Паустовский признается: «... Я чувствовал неприязнь к христианству с его манной кашей добродетелей. Христос казался мне толстовцем, изрекающим слащавые истины, а его бородатые святые походили на ломовых извозчиков» [4, с. 70]. Это лирическое отступление сигнализирует читателю о том, что К. Г. Паустовский не вписывает образ Шмидта в рамки евангельского сюжета, а полемизирует с библейским мифом о Христе, отталкивается от него и противопоставляет образ Христа образу лейтенанта Шмидта, носителя новой идеологии свободы и справедливости.

К. Г. Паустовский освещает события из жизни Шмидта, которые находят параллели в истории Христа. Такими сюжетно-ситуативными соответствиями являются проповедь, предательство и осуждение толпы, неправый суд, казнь и воскресение. Ключевым соответствием образов Христа и Шмидта является, по К. Г. Паустовскому, самоотверженное стремление к усовершенствованию мира.

Значимо, что вскоре после первой публикации повести К. Г. Паустовский изъясил из книги главу, посвященную переписке П. П. Шмидта с Зинаидой Ризберг. (К этой истории в жизни лейтенанта писатель вернется в повести «Бросок на юг»). Сын писателя, В. К. Паустовский, в комментариях к повести «Бросок на юг» замечает: «Отец мой считал, что, несмотря на огромную ценность этих писем, сама З. И. Р. (Ризберг — *Н. Г.*) была особой весьма заурядной, что Шмидт ошибся в ней и как в человеке, и как в адресате» [1].

Полагаем, что была еще одна причина, заставившая автора уйти от описания «романа в письмах». Любовный сюжет разрушал аллюзию на образ Христа, смещал акцент с социальной деятельности и значимости Шмидта, на предметы слишком личностные.

В изображении К. Г. Паустовского агитационная, пропагандистская деятельность Шмидта напоминает проповедничество Христа. Так, автор реконструирует знаменитую речь-клятву Шмидта, произнесенную над телами севастьяпольских демонстрантов, убитых властями в день оглашения Октябрьского манифеста 1905 г. Клятва Шмидта представляется нам аллюзией на Нагорную проповедь Христа. К. Г. Паустовский акцентирует читательское внимание на глазах Шмидта, которые «горели, как у пророка» [4, с. 47], на его ораторском таланте («он мог повести весь Севастополь за собой», люди готовы были «благословлять его имя» [4, с. 48]). Как Нагорная проповедь служила началом проповеднической миссии Христа, так речь Шмидта на севастьяпольском кладбище знаменовала новую общественную роль лейтенанта, делала его человеком известным, внушающим доверие, дарующим надежду. По указанию одного из героев К. Г. Паустовского, после речи на кладбище Шмидта знали все и звали его не иначе, как «брат командир», любили крепко и верили, как никому на свете» [4, с. 50].

Однако при несомненном ситуативном сходстве, идеологическая интерпретация К. Г. Паустовского очевидно «конфликтует» с евангельским текстом. Нагорная проповедь Христа проникнута мыслью о непротивлении злу насилеием, о справедливости Высшего, божьего суда. Герой же К. Г. Паустовского призывает к сопротивлению во имя свободы, стремится к справедливости земного, человеческого суда.

Мотив самопожертвования, принципиально важный для евангельского текста, в повести К. Г. Паустовского тесно переплетен с мотивом спасения человеческих жизней. Шмидт соглашается возглавить обреченное на провал восстание «очаковцев», «чтобы взять вину на себя, уменьшить кровопролитие и сохранить живую революционную силу <...>» [4, с. 58]. Поэтому К. Г. Паустовский акцентирует внимание на известных словах П. П. Шмидта, который сравнивал свое отправление на «Очаков» с дорогой на Голгофу [4, с. 58]. Дальнейшие действия П. П. Шмидта также были подчинены чувству самоотверженности, стремлению помочь ближним ценой риска для себя. Так, после начала восстания безоружный Шмидт освобождает «потемкинцев» с плавучей тюрьмы «Прут». В дальнейшем на суде лейтенант делал «все, чтобы спасти матросов» [4, с. 59] и своей последней речью, взяв на себя ответственность за восстание, «вырвал у суда не меньше десяти жизней» [4, с. 59].

Мотив предательства в повести «Черное море», по сравнению с рассказом «Три страницы», получает более глубокое осмысление. Теперь размышления К. Г. Паустовского о феномене предательства связаны не только с личностью Ставраки. Автор видит историческую и психологическую закономерность в отказе сослуживцев Шмидта следовать за ним в минуту опасности, их готовность подчиниться «сильной стороне». Эта ситуация легко укладывается в клише евангельского сюжета, демонстрирующего готовность толпы отречься от Христа. В повести К. Г. Паустовского причина подобного коллективного предательства своеобразно сформулирована одним из персонажей, бывшим «очаковцем» Дымченко: «Отдали Шмидта за пятак. Каждый назад поглядывал, есть ли куда удрать» [4, с. 52].

Ставраки представлен в повести в качестве характерного представителя массы офицеров, не желающих поддержать требования восставших. Причем К. Г. Паустовский детализирует биографию Ставраки, повествуя не только о его согласии руководить казнью Шмидта, но и о том, как в самом разгаре Очаковского восстания Ставраки отдал приказ открыть огонь по катеру «Удалец», служившему для безоружных «очаковцев» единственной надеждой на спасение. Теперь К. Г. Паустовский уже не анализирует, как это было в «Трех страницах», внутреннюю борьбу, сопровождавшую предательство Ставраки, он лишь констатирует факты. Одновременно ослабевает параллель между образами Ставраки и евангельского Петра. К. Г. Паустовский указывает на раскаяние, овладевающее Ставраки, но вместе с тем предавший однокашник Шмидта начинает более напоминать Иуду. В этом отношении интересен фрагмент, отсутствующий в некоторых редакциях повести (причину этого текстового расхождения нам пока выяснить не удалось). Указанный отрывок рассказывает о встрече автора повести со Ставраки; К. Г. Паустовский при этом замечает: «рыжая щетина торчала островами на его (Ставраки — *Н. Г.*) щеках» [3, с. 50]. (Ср.: «Твердая седая щетина торчала на его желтых щеках <...>» [5, с. 301]). За упоминанием этой детали просматривается образ рыжеволосого изменника Иуды.

Кульминационным в главе о Шмидте становится мотив неправого суда. К. Г. Паустовский, как и в очерке «Лейтенант Шмидт» (1917), акцентирует внимание на словах Шмидта, прозвучавших на суде и предрекших наступление нового порядка вещей. После этой аллюзии на проповеди Христа весь ход описываемых событий синхронизирован с евангельским сюжетом о суде над Христом и о его казни.

К. Г. Паустовский неоднократно подчеркивает, что Шмидт был обречен на гибель, так как своими словами и действиями подрывал авторитет власти. Поэтому объективно как в жизни, так и в повести антагонистами Шмидта выступают император Николай и адмирал Чухнин, которым писатель дает краткое, но емкое описание. Авторские характеристики нацеливают на нравственную сущность персонажей. Так, Чухнин, по словам аптекаря, одного из героев повести — «довольно плюгавый адмирал, с бородой, как пакля, крикливый, с камнями в печени и желчью в голове» [4, с. 47], а Николай, по замечанию старого «очаковца» Дымченко, «сам был с придурыю» [4, с. 52]. К. Г. Паустовский подводит нас к выводу, что несовершенство власти и ущербность ее представителей, приводят к непримиримой жестокости. Император настойчиво требует «расстрелять Шмидта во что бы то ни стало» [4, с. 62]. Чухнин, «палач» [4, с. 47], с готовностью утверждает смертный приговор. Статус Чухнина заставляет читателя ассоциировать этот персонаж с наместником Пилатом, но в отличие от библейского префекта герой К. Г. Паустовского лишен всяких сомнений в необходимости казни. Думается, что автору представлялось совершенно невозможным примирение старой власти и новых идеологических устремлений.

Закономерно, что мотив воскресения героя находит у К. Г. Паустовского разрешение далекое от евангельского. Вся логика повествования приводит читателя к той мысли, что личность Шмидта продолжает жить в памяти его сподвижников и потомков. Именно поэтому сюжет о Шмидте К. Г. Паустовский завершает рассказом об эскизе памятника Шмидту в Севастополе.

В последний раз К. Г. Паустовский обращается к истории лейтенанта Шмидта в главе «Маячный смотритель» повести «Бросок на юг». Сюжет о Шмидте здесь не подчинен хронологии Очаковского восстания; в центре авторского внимания антагонизм Ставраки и Шмидта. К. Г. Паустовский анализирует факты их биографий, выясняя факторы становления столь непохожих личностей, природу неизбежного противостояния между ними. Это сюжетное

и тематическое смещение закономерно актуализировало в главе «Маячный смотритель» главным образом евангельский мотив предательства.

Заметно при этом, что отношение автора к личности Ставраки сильно изменилось в негативную сторону. В новом осмыслении К. Г. Паустовского Ставраки — не просто предатель, ставший жертвой собственного страха, это уже отъявленный подлец и преступник без чувства совести и чести, жизнь которого представляется сплошной «черной изменой» [5, с. 303]. Причина его предательства по К. Г. Паустовскому не только в «рабьем страхе перед всяческой властью» [5, с. 303], но и в зависти к «благородству, смелости <...> способности к самопожертвованию» [5, с. 304] Шмидта. Теперь К. Г. Паустовский утверждает, что Ставраки был «<...> единственным офицером Черноморского флота, добровольно согласившимся расстрелять Шмидта» [5, с. 305]. Согласно сюжету, Ставраки никто не заставлял руководить казнью бывшего товарища, решение он принял самостоятельно.

Впрочем, автор упоминает, что перед расстрелом «очаковцев» Ставраки становится на колени и просит Шмидта о прощении. Однако раскаяние неискренне. Это скорее сиюминутный порыв. Не получив прощения Шмидта («Встань, Миша! <...> Не паясничай!» [5, с. 304]), Ставраки «встал, торопливо отряхнул пыль с брюк и закончил расстрел быстро и как-то напрополую <...> » [5, с. 305]. После казни он сделал все, чтобы забыть прошлое, однако жил в ожидании расплаты за предательство. Наказание представлено К. Г. Паустовским в виде суда и заслуженного расстрела.

В главе «Маячный смотритель» есть моменты, которые, казалось бы, позволяли К. Г. Паустовскому наметить и развить евангельские параллели. Однако реализацию подобных аллюзий мы не наблюдаем. Так, К. Г. Паустовский касается новых страниц биографии П. П. Шмидта. Писатель рассказывает о браке Шмидта с «падшей» женщиной, Доминикой Павловой, объясняя поступок Шмидта желанием «ее спасти» [5, с. 307]. Однако реальная история этого брака не позволяла развить сюжетную линию в евангельском ключе, связать ее с мотивом спасения блудницы: брак распадается, а бывшая жена после расстрела лейтенанта спекулирует его вещами.

К. Г. Паустовский также пишет в повести о встрече с сестрой лейтенанта. Анна Избаш сформулировала главную черту брата: «Всю жизнь увлекался и не считался с собой <...> Жил ради других <...>» [5, с. 310]. Однако авторские указания на сходство между самоотверженностью Шмидта и Христа отсутствуют.

Следует отметить, что К. Г. Паустовский не всегда полемичен по отношению к евангельскому тексту. Так, морально-психологические характеристики позитивных героев преподносятся им во многом в русле библейских представлений. Это прежде всего касается мотива «детскости».

В Евангелие от Матфея Христос произносит: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» [Матфей, 18:3]. Значимо, что К. Г. Паустовский находит детские черты именно у тех героев, которые являются предвестниками нового строя жизни. Так, в очерке «Лейтенант Шмидт» главный герой предстает «светлым трибуном» с душой ребенка <...>» [6, с. 278]; ему присущи трогательность и простота. По признанию одного из персонажей, Шмидт был способен пробуждать в окружающих качества, ассоциирующиеся с «детскостью»: «Непередаваемая сила его (Шмидта — *Н. Г.*) слов вырывала вас из рамок обыденной жизни, ломала законы и традиции. Вы ясно чувствовали, что <...> проснулось ваше детство с его стремлением к справедливости и свежестью мысли» [4, с. 56].

Шмидт у К. Г. Паустовского восприимчив, как ребенок. После того как эскадра отказалась поддержать восстание «Очакова», Шмидт, по выражению Дымченко, «бился как малый ребенок» [4, с. 52]. В повести «Бросок на юг» Анна Избаш в разговоре о П. П. Шмидте «<...> называла его (Шмидта — *Н. Г.*) Петрушей, и в ее представлении он (Шмидт — *Н. Г.*) был, очевидно, в лучшем случае гардемарин, если не безусым кадетом» [5, с. 310]. В памяти сестры Шмидт — доверчивый, добрый, любящий «книги, стихи <...> музыку, детей и морское дело», он «любил матросов, как малых детей <...>» [5, с. 310–311].

Уподобление ребенку заставляет читателя сопереживать герою. Мотив «детскости» присутствует и в описании матросов, расстрелянных вместе со Шмидтом: «На берегу Шмидт и матросы спокойно пошли к врытым в землю четырем столбам. Говорили о детстве, о том, какое хорошее над островом небо» [4, с. 61]. В чувствах и словах приговоренных к расстрелу

представлены искренность и открытость. Так, после второго залпа матрос Антоненко «поднялся, осторожно потрогал свою кровь и сказал с каким-то детским недоумением: «Вот и кровь моя льется...» [4, с. 62].

Указанием на «детскость» персонажа К. Г. Паустовский настраивает читателя на позитивное отношение к персонажу. Так, у старика Дымченко, по рассказам которого прослеживается история Очаковского восстания, «по-детски торчал седой легкий пух» [4, с. 45]. Негативный же персонаж Ставраки противопоставлен «детскости». «От него (Ставраки — *Н. Г.*), — сообщает К. Г. Паустовский, — хотелось уйти в тепло комнат, где спят, приоткрыв губы, маленькие дети <...>» [5, с. 306].

Анализ произведений К. Г. Паустовского говорит о том, что автор последовательно использовал евангельские мотивы при осмыслении личности и исторической роли П. П. Шмидта. Но важно, что К. Г. Паустовский не нанизывает механически факты биографии Шмидта на евангельский сюжет, он полемизирует с евангельским текстом. И дело не только в том, что автор сталкивает библейское предание с исторической и биографической реальностью нового времени, он подвергает переосмыслению морально-ценностные установки канонического христианского текста, с позиций выдвинутых новой эпохой социально-нравственных приоритетов.

Литература:

1. Паустовский В. К. Комментарии [Электронный ресурс] / В. К. Паустовский. — Режим доступа : <http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/text/kniga-o-zhizni/brosok-na-yug-kommenarii.htm>.
2. Паустовский К. Г. Рассказы. Очерки. Статьи / К. Г. Паустовский. — М. : Художественная литература, 1972. — 527 с.
3. Паустовский К. Г. Повести и рассказы / К. Г. Паустовский. — Л. : Лениздат, 1979. — 672 с.
4. Паустовский К. Г. Собрание сочинений : в 9 т. / К. Г. Паустовский. — М. : Худож. лит., 1981. — Т. 2 : Роман и повести / Примеч. Л. Левицкого. — 1981. — 615 с.
5. Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. / К. Г. Паустовский. — М. : Худож. лит., 1980. — Т. 5 : Повесть о жизни. Кн. четвертая–шестая / [примеч. Л. Левицкого]. — 1982. — 591 с.
6. Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. / К. Г. Паустовский. — М. : Худож. лит., 1981. — Т. 7. Сказки; очерки; литературные портреты / [примеч. Л. Левицкого ; худож. Е. Гольдин]. 1983. — 575 с.
7. Семенова С. «Всю ночь читал я твой завет...»: Образ Христа в современном романе / Светлана Семенова // Новый мир. — 1989. — № 11. — С. 230–243.

Peter Shmidt's Biography in Creative Comprehension of Konstantin Paustovskii: Evangelic Parallels

The works of Konstantin Paustovskii dedicated to Peter Shmidt are studied in the article. The use of Evangelic motives is analyzed and the comprehension of social and historical role of Shmidt which has been reflected in Konstantin Paustovskii's writings is considered.

УДК 821.163.41-3.09

Марина Гоголя (Київ)

МІСЬКИЙ ПРОСТІР У ПРОЗІ ДАНИЛА КІША

Відчуття себе в місті ніколи не буває психологічно нейтральним, людина завжди взаємодіє із простором у якому живе; в мистецтві вона реалізує свій досвід в індивідуальний і, водночас, типологічно закріплений позитивний чи негативний образ міста. Юрій Лотман у статті «Символіка Петербурга і проблеми семіотики міста» [5] виокремлює два різновиди маркування міста: концентричний і ексцентричний. Концентричне розташування міста у семіотичному просторі, як правило, пов'язане з розташуванням його на горі (чи горах). Таке